

В дым раскрыли

В один день (19 мая) сошлись два спектакля — «Лиловый дым» — спектакль по повести Ф. Розинера и «Uonderschule» — две постановки — столь разные в чем-то противоположные — вызвали острую дискуссию на вечернем обсуждении.

Что такое моноспектакль? Где граница между ним и литературным чтением? Когда возникает театр одного актера? — такие и многие другие вопросы были подняты фестивальной критикой в связи с обсуждением постановки «Лиловый дым».

Когда пребывание актера на сценической площадке становится спектаклем? Когда создаются образы? когда происходит переживание? — на такие вопросы и на такие требования должен был ответить честный проект Александры Кругляк и театра «Модерн».

«Лиловый дым» с точки зрения стилистики является органической работой, но общий уровень тянет только на литературного рассказчика с моментами литературного погружения. В театре литературная основа ни в коей мере не подавляется, но создается некий образ, который увлекает зрителя. Вот этого-то образа считают актеры театра «Манекен» и недостает постановке.

Михаил Чумаченко будучи «в ударе» от «Uonderschule» решил обострить полемические обсуждения.

— Перед нами моноспектакль по повести, в которой реально существует три героя. Видимо у театра «Модерн» в силу материальных причин нет возможности задействовать этих героев, и на спектакле к нам выходит один актер и начинает читать. В таком случае я лучше возьму книгу Розинера, а не пойду на спектакль. Для этого нужно героя, героиню и мужа героини заменить одним актером? Далее где граница в постановке между бытовым театром (герой за столиком) и поэтическим? То что хотел сказать писатель, я услышал, что хотел сказать театр — я не понял. К тому же можно было несколько заострить на политике. Ведь прибалтийские проблемы «зеленые братья» — это сегодняшний день.

Интересен ответ молодого актера, на которого обрушилась столь мощная критика.

— Я люблю режиссерский театр, когда он не

тянет на себя одеяло. Я самостостельно работал в этом спектакле, в чем-то даже вопреки режиссеру. Я не собирался вытаскивать политические сентенции. Спектакль был разговором про меня.

На мой взгляд Арсений погрузился в пространство чужой памяти и стал отождествлять своего героя с самим собой. Не скажу, что это плохо, наоборот, влияние способствует театральному процессу. Но как заметила все та же могучая критика, Арсений не смог самостоятельно найти выход из созданного им самим творческого лабиринта, актерский организм не должен знать, к чему он придет в финале, пусть сюжетно это известно. Арсений же воспользовался «выходом» автора повести. Это отразилось на степени коммуникации актера со зрителем, немного было моментов взаимоприоритетования эмоциональных и интеллектуальных аур.

Вопрос о «градусе» этого воспоминания вызвал живой отклик манекеновского Венички — Александра Балицкого — по его мнению, столь потрясающие трагические события, как убийство родителей, изнасилование любимой женщины были переданы в спокойной манере рассказчика, а не драматического актера.

Михаил Чумаченко считает, что не стоит винить в промахах актера, актер вообще никогда не виноват, а виноват режиссер, не сумевший его правильно настроить. Пожелаем же талантливому, интеллигентному актеру творческих удач и новых решений.

Евгений САРАСОВ

Два монолога в спасательной шлюпке

Маленький кораблик, освещенный лучом проектора едва колышет от теплого дыхания зрителей, несколько белых канатов и латаный-перелатанный парус ограничивают сценическую площадку. Сергей Морозов играет в спектакле Анатолия Морозова, поставленном по пьесе Ежи Брошкевича в переводе с польского Евгения Вишневецкого. Два печальных путешествия одинокого моряка.

Не берусь пересказывать подробности приключений и злоключений Лемозля Гулливера, лучше Джонатана Свифта, а их не изложу. А Брошкевич не постеснялся и из частного эпизода создал эпическое полотно о свободе и несвободе, воле и неволе и последнем выборе, который всегда остается за человеком.

Как не вспомнить строки Радищева из «Путешествия из Петербурга в Москву»: «Если судьба воспылает ненавистью и удача отвернется от тебя, если твоей добродетели не останется убежища на земле, если тебе доведенному до крайности не будет защиты от угнетения — вспомни слова Марка Порция Катона, которые

он произнес в подобной ситуации: «Теперь я принадлежу себе». Поступи как он — умри».

В первом путешествии свой выбор делает лилипут, друг Гулливера, который живет в клетке, как диковинный зверек.

Во втором — сам Гулливер занимает обжитое место в клетке и история повторяется с точностью до наоборот, включая и трагический финал. Как быстро меняются наши взгляды на мир, в зависимости от точки зрения.

Молодой актер прекрасно обживает пространство, свободно перевоплощается то в великана, то в лилипута, но меня все время настораживали его глаза — холодные и бездонные, они все время были направлены горе или долу, но никогда на зрителей, образующих клетку, из которой не вырваться, не убежать.

Кстати, одна байка, связанная с режиссером Анатолием Морозовым. Истории этой двадцать лет. «На репетиции Морозов кричал: «Глаза! Глаза! Стеклашки! Смотрите в кинобудку! Феркель! В Кинобудку! Посмотрите, кто там прячется!» В кинобудке прятался Морозов».

Думается, что Сергей еще не осознал и не попробовал на своей шкуре ситуацию и ощущения человека в клетке. Что ж, дело наживное.

Приятно было видеть в зале двух Морозовых, одного Вишневецкого. Жаль, не хватало Ежи Брошкевича.

Влад ФЕРКЕЛЬ

История умалчивает, сколько было выпито вина, выкурено сигарет и съедено бутербродов на фестивальных вечеринках после обсуждения. Главное: делалось это все дружно, весело и с задором. В пятницу, последний фестивальный день, все «отрывались» по полной программе. То был заключительный фестивальный спектакль (и, пожалуй, самый интересный), который, подобно «Гамлет-машине», развернулся сразу на нескольких площадках — во всех комнатах «Манекена».

За круглыми буфетными столиками творческая группа под руководством режиссера Томаса Рота из приготовления коктейля устроила шумное дружеское шоу-застолье. У выставленного в фойе видео постоянно толпился народ — просматривали записи снятых на фестивале спектаклей или видеоархивы его участников.

В зале отдыха фестивального общества разбилось на группки, самая музыкальная из которых, окружив пианино, с гитарой в руках, распевала хиты «ДДТ» и русские романсы. Полячка Агнешка вела душевную беседу с Евгением Вишневецким, актрисы из Омска — с ребятами из пластического театра.

А для администрации «Манекена» продолжался трудовой день: решались вопросы о билетах и времени отъезда участников. Актеры «Манекена», которые всю неделю беззаветно работали на фестивале (девушки были экскурсоводами у приезжих фестивальных сцен, юноши монтировали сценические площадки, снимали спектакли на видео и т. п.), наверняка устроили себе небольшой праздник: по случаю удачного, без накладок и просчетов, завершения «Опытов». Старый друг «Манекена» Эва Шаиова задержалась в гостях у театра еще на несколько дней. Так же как критик Алексей Шулпин, который работает над книгой о истории театра.

Пользуясь возможностью, он обращается к бывшим актерам и зрителям театра, словам, к тем, кого судьба сводила с «Манекеном», кому есть что сказать о театре. Письма, открытки, публикации, даже небольшие записи — все, что только можно отнести к его истории (даже если вам это покажется незначительным), просят передать по специальной пометкой в «Манекен» и заранее благодарят за помощь. К стати, зрителям и участникам фестиваля не стоит забывать прошедшие дни. Как знать: может, в будущем кому-нибудь придет идея написать книгу и об истории «Театральных опытов». Тогда и мы пригодимся.

Анна Федорова

